

КРАСОТА ОТКРЫТА КАЖДОМУ

С КНИГАМИ свердловчанина Николая Никонова я познакомился сравнительно недавно, но слышал о нем и раньше, особенно как о «певце уральской природы», наследнике пришвинской традиции в нашей литературе. Должен сразу заметить, что ничего пришвинского я в нем не нашел, и тот, кто первым пустил в оборот такое мнение, брал явно поверху, не глубже темы, самой общей и распространенной: кто нынче природу не любит, кто о ней не пишет? Между тем Никонов — не певец и не философ природы; в нем нет того самоуглубления, того лирического одиночества и растворения в лоне материнской земли, которые питали пришвинскую мудрость, его непростой, даже отчасти витиеватый стиль, незабудки его души и памяти.

Никонов — горожанин по натуре (как, скажем, Юрий Казаков, Георгий Семенов) и учитель по первой профессии, и мне кажется, что это учительство вошло и в его книги воспитанной чертой ума и природным свойством сердца. (Еще одна допустимая параллель — Владимир Тендряков.) Поэтому решающая складка зрелой прозы Никонова — публицистическая. О чем бы он ни писал — повести о формировании чувств («Кассиопея», «Глагол несовершенного вида»), о защите родной природы («След рыси»), эссе об искусстве («Золотой дождь»), — повсюду он почти по-юношески мечтает о красоте, грезит о гармонии как идеале и смысле человеческого существования. И часто напрямую обращается к читателю, зовет его за собой, стремится обратиться в свою веру. Страстный голос, не лишенный, правда, некоторой дидактики и экзальтации, но очень привлекательный, ибо сразу чувствуешь: автор честен и прямодушен, говорит, что думает, что пережил. А сказать Никонову есть что.

«О писателе, писателе... Больше, что ли, всех тебе надо? Больше горя в душу — если больно тебе за каждого пьяницу, за всякого потерявшего себя, за каждую обиду, за чью-то ложь, за чье-то глумление и чью-то муку? Что тебе не спится ночами и ты вскакиваешь и торчишь у окна, когда во всем городе и будто по всей Земле глухо, серо и выморочно и в самом небе тот же, не оставляющий надежд, цвет и свет?»

Эта боль-совестливость, как туго натянутая струна, звучит в творчестве лучших наших современных писателей, сознательно опирающихся на социальные и нравственные уроки русской классической литературы. В этом смысле Никонов подчеркнут и по-хорошему традиционен. Его перо неторопливо и серьезно, пишет он, судя по всему, мучительно, трудно, не давая себе поблажек, превыше всего беспокоясь за правду сказанного. Сам стиль хранит напряжение мысли, поиски точного слова, образа, призванных воплотить нечто существенное, важное для автора. И еще пристальный критический взгляд на свое писательство, постоянная ответственность пред чистым и исписанным листом бумаги, работа самосознания:

«Нет, наверное, на свете профессии, что так безусловно включала бы в себя вечное учение, изучение, поучение в первую очередь себя, своей души, своей совести, насыщение памяти».

Обратили на себя внимание автобиографические заметки Николая Никонова «Размышления на пороге», напечатанные в журнале «Урал» в конце восьмидесятого года. Там много искреннего, дельного не только о себе и своих близких, но о жизни вообще и, конечно, о литературе. Без авторского кокетства и без преувеличений, как радужных, так и застилающих свет круг.

Чувствуется, что в повестях «Кассиопея» (1968) и «Глагол несовершенного вида» (1972) тоже немало автобиографичес-

кого. Да иначе и быть не может, потому что главные герои этих произведений — ровесники автора и живут в его родном городе. Мне больше нравится вторая из повестей — о мальчике Толе Смирнове, история его духовного становления, воссозданная с трогательными и тонкими психологическими деталями. Сложность состояла в том, что Никонов доверил своему герою-школьнику рассказ от первого лица (подсвеченный иногда уже взрослым взглядом рассказчика, вспоминающего свое отрочество). Очень важно было сохранить на протяжении всего текста стилистическую верность тона, не переусложнить искусственно рефлексию персонажа, но и не адаптировать ее. Писатель справился со своей художественной задачей. Ему удалось раскрыть внутренний мир подростка, процесс воспитания его чувств, который проходил в тяжкие полуголодные военные и первые послевоенные годы, когда дети без отцов стремились взрослеть на глазах у своих матерей, подвергаясь многим и часто далеко не самым благотворным влияниям, когда отроческие души проходили испытание на прочность, на нравственное выживание.

Толя Смирнов сохранил и развил в себе чистоту отношения к жизни, веру в добро и любовь, личную ответственность перед миром. Он жил как все, как многие его сверстники-старшеклассники; но в нем постоянно бодрилась какая-то заветная струнка неудовлетворенности собой, стыда, стремления к самоусовершенствованию.

Первая горькая любовь юного героя написана с теми переливами легко узнаваемых психологических подробностей, которые сразу создают атмосферу доверия между читателем и автором.

Личная жизнь Толи Смирнова вписана в напряженную драматическую жизнь других людей, и он сам рано начинает ощущать себя частью большого целого, может быть, даже всей страны, всего народа. Конечно, такие правильные мысли не приходят ему в голову, он подросток и решает свои маленькие, частные задачи, но то, как он их решает и что о них думает, исподволь приближает его к гражданскому самосознанию.

Своей повестью «Кассиопея» Николай Никонов дал подзаголовок — «История одной любви». Можно, пожалуй, сказать, что ее герой, студент лесотехнического института Снегирев, — повзрослевший Толя Смирнов, так много общего у обоих в душевном складе и особенно в чистом отношении к женщине, к чувству любви. Мне только кажется, что «Кассиопея» мешает излишняя чувствительность и сентиментальность, которые нередко приводят автора к стилистическим просчетам, выспренности и красноречию в описании переживаний Снегирева. «Кассиопея» написана раньше «Глагола несовершенного вида», и внимательный читатель легко сам сможет убедиться, как менялись интонация и стиль прозаика в сторону более строгого и психологически точного письма.

«След рыси» (1979) — наиболее значительное покамест произведение Никонова, в котором

он уходит от привычных беллетристических приемов и создает книгу-размышление. Писатель дал ей необычное, но внутренне оправданное жанровое определение — «Публицистическая поэма». Действительно «поэма», если иметь в виду своеобразие поэтической речи и самой структуры книги, лиризм стиля, ее музыкальное построение с главной и побочными темами, с ее публицистическим лафосом в защиту всего живого. Сплав конкретно-социального художественного анализа, почти делового очерка с фантастикой, утопией, ораторски возвышенного языка с резкими сатирическими красками — все это придает книге оригинальность, печать неординарности, своего, непохожего слова.

Картины безжалостно истребляемой природы, ради пользы дела, которые рисует Никонов, трагическая одиссея лесного кота, гонимого огнем и пулей, свершающего свой последний путь на земле, призваны выразить в обобщенной символической форме идею сокрушительного краха тех близоруких прагматических представлений о природе, которые долгое время главенствовали и определяли хозяйственную деятельность человека. Конечно, нельзя упрощать проблему, впадая в молитвенный экстаз перед природой или, напротив, предавая анафеме с писательского амвона каждый призрак «Молоха высотных домов и электронно-мыслящего железа» (выражение Леонида Леонова). Но тревожить общественную мысль, подбирать новые и новые факты и аргументы в защиту разумного и гуманного отношения человека к другой жизни честный писатель обязан, даже если у него мало надежды на благополучный, а уж тем более скорый исход.

Будем, однако, исторически оптимистами: социалистический строй создает все условия для такого взгляда на будущее. Однако условия — еще не реальность. Необходимо ими воспользоваться и активно работать для претворения в практику наших общественных идеалов. В том числе идеала равновесия, мирного сосуществования между свободой человека и незысканной свободной волей природных сил.

Николай Никонов намеренно заостряет ситуацию, но только так и должен поступать литератор. Он подводит читателя к краю пропасти, чтобы встряхнуть его сознание, заставить задуматься, граждански обеспокоиться, встревожиться, принять сказанное автором близко к сердцу. Художественная литература — всегда, в сущности, преувеличение, типизация или идеализация — кому то более по душе. Не ее дело вести бухгалтерский подсчет плюсов и минусов от строительства того или иного промышленного комбината, когда стоимость погибших лесов и водоемов со всем живьем, в них обитавшим, вычитается почти без следа в тех же рублях и тоннах из суммы общего победного итога.

Взаимоотношения современного человека и природы — не только огромная биологическая проблема, но и социальная, ду-

ховная. Разрушая природу, мы разрушаем себя в первую очередь. Беднеет язык, блекнут чувства, утрачиваются оттенки, полутон, свежесть индивидуального восприятия жизни. Никонов пишет об этом, хорошо понимая, что цивилизация сама по себе не виновата, она должна стать под контроль ответственного за свое будущее общества. Поэтому у Никонова нет и следа мечтательного, патриархального консерватизма. Во сне его герой-писатель видит нашу Землю единым общежитием свободных людей, восстановивших свою кровную связь с природой, использующих для своих нужд только солнечную энергию, навсегда исключивших войны из жизни народов и отвергнувших массовый стандарт везде, где он не диктуется необходимостью, особенно когда речь идет о воспитании и мышлении. Эта утопия сродни той, которая возникла и на страницах романа Чингиза Айтматов «Буранный полустанок» и во многих фантастических романах наших дней. В ней коммунистическая мечта человечества, которая может стать явью, если люди вспомнят, зачем пришли на землю, и объединятся во имя спасения мира и самих себя — в детях, внуках, в продолжении.

«Хочется мне сказать, как говорили до меня:

Идите к лесам и животным, не бойтесь ни дождей, ни молний, ни гроз, любите гром и трепет травинки под вихрем, тяните глядящую руку всему живому, не бойтесь встать на колени пред красотой порхающего мира и вечностью безмолвного цветка, — ибо давно привыкли мнить себя только покоряющими и даже перед Солнцем, перед Женщиной уже стыдимся склониться...»

Идите. Не стойте. Красота открыта желающему видеть. И наслаждение красотой равно возвышению до нее».

Прислушайтесь, читатель, к этому взволнованному голосу, поверьте ему, и тогда, может быть, вам откроется что-то главное, коренное в жизни, ускользающее порой из сознания под мощным напором повседневности, вечной рабочей спешки, встречу грядущему, когда уже не хватает ни сил, ни времени остановиться и подумать, куда и зачем мы спешим...

...Недавно нас свела с новым туристическим поездкой во Францию. С Николаем Григорьевичем постоянно был походный мольтер, и он, кажется, раз или два открывал его в Париже и Провансе, писал по утрам этюды. (Выяснилось, что в юности Никонов немного учился живописи.) Помню, я подумал: вот ведь молодец, не поленился, взял, таскал всю дорогу! Присматриваясь к своему попутчику, я узнавал в нем его книги. Какая-то основательность, несуетность, прямота и в то же время сдержанность характера, не позволяющего себе лишнего в жестов, подтверждали написанные им строки.

Когда хороший писатель похож на свои книги, ощущаешь изначально справедливость литературы, ее право на слово, обращенное ко многим. И оно тем весомей, чем больше лично выстраданного заключено в нем.

На пороге пятидесятилетнего рубежа Никонов признавался:

«Но главное, главное приходит как будто бы только тогда, когда ощущение профессии своей не как способности более-менее увлекательно писать о жизни или природе, «лепить» характеры и т. п. — но понимать жизнь, видеть ее широким планом, без розовых тонов и без юношеских заблуждений, здраво оценивать свои возможности, уйти от максимализма и от нигилизма».

Пришло время предварительных итогов, и Николай Никонов встречает его достойно, трезво оценивая сделанное, готовясь к новым трудам, как и положено ему по нелегкой, но счастливой должности настоящего писателя.

Евгений СИДОРОВ